

Не дожидаясь больше, Грейсон подошел к экзаменационной станции по живописи. Он продолжал оглядываться вокруг, задаваясь вопросом, каков уровень. К его удивлению, картины были гораздо более высокого уровня, чем он предполагал ранее. Количество талантов в ассоциации живописи было удивительно высоким.

"Эй~Грей, похоже, ты тоже рисуешь?" Голос молодой девушки заговорил.

Чувствуя прохладу в позвоночнике, Грейсон сразу же узнал владельца голоса. Слегка хмурый, он заставил себя вежливо улыбнуться, прежде чем повернуться.

"Ах, Наталья, какой сюрприз..." Он притворился счастливым, как только мог.

"Хммм... ну, это не весело, я надеялся, что ты будешь немного более удивлена". Рот Натальи образовал милую надувку, которая привлекла внимание окружающих мальчиков. Неудобный с вниманием, Грейсон попытался вежливо сказать пару слов перед тем, как уйти. Только, к его огорчению, она продолжала следовать за ним.

"Да, тебе что-то нужно от меня?" В конце концов, он спросил, обращаясь к ней снова.

"Что не может прогуляться с тобой? Я хочу быть друзьями, вот что. Разве мне нельзя? Ты меня ненавидишь?" С блестящими слезами на глазах, Наталья дала ему свой убийственный щенячий взгляд. Толпа внезапно посмотрела на Грейсона с завистью и ненавистью. Тем не менее, неизвестно толпе, Грейсон мог ясно видеть зло злобный озорной взгляд в ее глазах за притворной печалью. Сколько раз он также использовал свои взгляды и дал это выражение "жаль меня". Он не влюблялся в это. Очевидно, что она целенаправленно пыталась доставить ему неприятности, но он не хотел, чтобы ей так легко сошло это с рук.

"Да, ты мне не нравишься и я не хочу с тобой дружить. Почему, я не могу так себя чувствовать? Ты заставляешь меня стать твоим другом? Ты весь день следишь за мной, может быть, у тебя развилась какая-то одержимость мной?" Стреляя в ответ на острые риторические вопросы, Грейсон оглянулся на нее знающим взглядом. Ошеломленная, Наталья забыла сохранить жалкое выражение лица, и слезы быстро высохли, в то время как ее милое выражение лица слегка треснуло.

"Урк... Нет, как такое может быть? Я просто думала, что мы поладим, но если ты так себя чувствуешь, то все в порядке. Хохохо, ну, увидимся, наверное." Она продолжала изящно улыбаться, но если присмотреться, то можно было увидеть, как она скрипит зубами в ненависти. Вынудив посмеяться, Клэри помахала рукой на прощание и ушла с глаз долой.

Вот отродье! Вот сопляк! ЭТОТ ГЛУПЫЙ ПРИДУРОК! Оказавшись вдали от толпы, Наталья начала гневно топтать ноги после такой утраты. Она бы точно его вернула...

...

Слегка почувствовав ее раздражение, Грейсон внутренне раскололся. Хм! Служит ей, эта православная принцесса! Как он мог не знать, что она постоянно доставляет ему неприятности? Очевидно, она знает все о своих поклонниках, которые завидуют ему до смерти за то, что он привлек ее внимание. В то же время, однако, единственная причина, по которой он вышел так агрессивно, было то, что он также мог видеть, что она на самом деле не так уж и плохо человека. В противном случае, она попыталась бы использовать свое прошлое, чтобы запугать его, как и всех других раздражающих благородных детей.

"Эм... Вы... вы не должны были так с ней разговаривать... У тебя будут неприятности с другими благородными детьми, которые любят ее." Робкий голос внезапно заговорил за ним. Громкости ребенка едва хватило, чтобы Грейсон его услышал, так что остальные его не заметили. Повернувшись, Грейсон закрыл глаза нервно выглядящему ребенку. Приглядываясь повнимательнее, ребенку было около десяти, наверное. Он был одет в довольно простую одежду по сравнению с безвкусной знати, которая соответствовала его слегка интровертной позе. Атмосфера вокруг него была ничем иным, как угрожающей или высокомерной, как у обычных гениев.

"Наверное, все в порядке. Она не так плоха, как другие, когда дело доходит до мести за свои обиды. Если что-то и превратилось в маленькую игру между нами, чтобы пережить одно на другое". Улыбаясь счастливо, Грейсон немного объяснил. Обычно он не стал бы беспокоиться, но у него было хорошее первое впечатление об этом мальчике. Он сказал что-то на случай, если Грейсон не знал о ситуации и выглядел обеспокоенным, большинство людей просто смотрели, смеясь над чужими несчастьями.

"Ладно, если ты так говоришь..." Услышав слова Грейсона, молодой парень просто кивнул, продолжая выглядеть спокойно.

"Как тебя зовут?" Любопытный по отношению к этому младшему талантливому ребенку, Грейсон не мог не продолжить разговор.

"Имя? Ронан Уайтфилд. А тебя?" Ронан заикался нервно.

"Грейсон. Просто Грейсон, без фамилии. Приятно познакомиться."

"Да-да, приятно познакомиться!" Наконец-то, немного улыбнувшись, лицо Ронана зажглось. Он был довольно симпатичным мальчиком с черными волосами и седыми глазами, но он был бледным и тощим, как тот, кто не часто выходил из дома.

"Вы тоже художник?" спросил Грейсон.

"Да, я художник. Полагаю, ты тоже художник?"

"Да! Как долго ты учишься?"

"Ну, мои родители оба известные художники, так что они учили меня рисовать с самого моего рождения. А как насчет тебя?"

"Я? Ну, честно говоря, я начал учиться три года назад."

"Понятно, три года... Подожди, что?! Три года? Ты уверен, что хочешь сдать этот экзамен? О, я не хочу тебя оскорблять, просто этот экзамен очень трудно сдать без многолетнего опыта. Большинство из этих детей учатся с рождения и до сих пор". Немного испугавшись, Ронан быстро отступил после того, как понял, как грубо звучат его слова. Грейсон, однако, не обиделся. Он знал, что Ронан не хотел его унижать. Три года на самом деле были не так уж и много времени, чтобы утверждать, что он чему-то научился. Это была еще одна причина, по которой Грейсона слегка беспокоили экзамены по живописи и музыке. Но, он редко искренне бросает себе вызов, поэтому он хотел поставить себя в менее определённую ситуацию, чтобы справиться со своим уровнем мастерства по сравнению с другими талантливыми людьми своего поколения. Может быть, он и не станет первым, но он все равно был достаточно уверен, что, по крайней мере, сдаст.

"Три года? Какое смущение. Такая шавка, как вы, должна просто не высовываться и спокойно сдать экзамен, не пытаясь переборщить с самим собой. Что ты можешь понять о живописи за это короткое время? Вы должны просто избавиться от стыда и заблудиться". Один из детей рядом с Ронаном и Грейсоном подслушал их разговор и высказался с явным презрением на его лице.

"Ты! Ты не должен говорить такие вещи!" Слегка покраснев, Ронан все равно приложил усилия, чтобы поднять голос, чтобы он звучал жестко. Тем не менее, он все еще был очень слаб. Это усилие, однако, было очень оценено, так как Грейсон чувствовал себя комфортно, увидев, что кто-то его защищает. Он тихо улыбнулся, пока его лицо не замерзло, когда он взглянул на мальчика, который говорил раньше.

"На что ты смотришь?" Мальчик чихнул.

"На идиота, который разговаривает сам с собой, как какой-то псих." Грейсон медленно говорил.

"Что ты имеешь в виду, я, очевидно, говорю с тобой!"

"О? Если я правильно помню, с тобой никто не разговаривал. Не так ли, Ронан?"

"А? О, да!"

"Похоже, ты просто внезапно заговорил и вторгся в чужой разговор. Ты чувствовал себя одиноким, так как никто не пытался с тобой поговорить, поэтому ты чувствовал себя склонным к тому, чтобы пробиться внутрь? Вы должны не лезть не в своё дело, если это так. То, что у вас не хватает таланта, чтобы сдать экзамен только после трех лет обучения, не означает, что все остальные такие же некомпетентные, как и вы".

"Что ты сказал?! Некомпетентен?! Тогда почему бы нам не подняться и не сдать экзамен вместе? Если я сделаю картину получше, ты должен встать на колени и извиниться!"

"Нет, спасибо."

"Хм! Ты просто трус, который все лает и не кусается. Боишься, что проиграешь и опозоришься?"

"Сколько лет ты учишься рисовать?" Грейсон внезапно сменил тему.

"8 лет! Почему?"

"Значит, ты учишься рисовать на 5 лет больше, чем я, и все же хочешь устроить соревнование? Как нелепо. Ты настолько бездарна, что для победы тебе нужно соревноваться с людьми, гораздо более неопытными, чем ты? Ну, извини, но у меня нет времени тратить время на мусор вроде тебя".

"Мусор?! ТЫ..."

"Ронан, давай просто уйдем. Все равно наша очередь сдавать экзамен." Даже не дождавшись, пока другой мальчик закончит, Грейсон начал уходить с тех пор, как закончилась последняя партия тестеров.

"Хорошо." Все еще в шоке от словесной битвы, которая только что произошла, Ронан был слегка ошеломлен, когда последовал за Грейсоном.

"Эй, подожди, ты..." Чувствуя себя полностью униженным, мальчик тоже гневно последовал за ним.

Ронан и Грейсон сидели рядом друг с другом с холстом, поставленным перед ними, в то время как другой мальчик сидел позади них.

"Ну, давайте посмотрим, как хорошо вы так высокомерно себя ведете!" Он фыркнул.

...

"Грейсон, все будет хорошо?" Ронан прошептал.

"Что? Он? Да, все в порядке. Меня все равно не волнуют такие раздражающие люди."

Прежде чем Ронан успел сказать ещё одно слово, главный эксперт начал говорить о теме и

правилах экзамена.

"Кхм! Используя инструменты, которые предоставляются перед вами, мы хотим, чтобы вы рисовали в соответствии с тем, что приходит на ум при размышлении над темой, которая будет раскрыта. Судьи посмотрят на вашу картину через два часа. Очевидно, что это едва ли когда-нибудь произойдет, так как мы ограничены по времени и количеству людей, которые должны быть протестированы, так что тема будет простой и не ожидается, что это будет совершенство. Мы оцениваем больше по ощущениям, которые мы получаем от этого. Может ли ваша картина вдохновить нас? Именно так мы будем оценивать".

"Тема будет "Мир". Можете начинать." Он закончил, когда перевернулся на хранителя времени.

Когда он закончил говорить, Ронан, наконец, сконцентрировался, и вся атмосфера вокруг него изменилась. Из воздушного и застенчивого ребёнка он превратился в серьёзное и торжественное поведение, как только взялся за кисть. Рядом с ним Грейсон стал свидетелем и почувствовал это резкое изменение и начал с нетерпением ждать конечного результата.

"Похоже, что он гораздо талантливее, чем позволяет." Довольный соревнованием, Грейсон тоже начал концентрироваться. Мир... Что было бы неплохо нарисовать? Он думал о том, когда почувствует себя более спокойным, и ответ пришел к нему удивительно быстро. Когда он был в медитации, все остальное на уме исчезает, и он может дышать только вместе с миром. Это необъяснимое чувство возвращения к природе. Но как бы он это нарисовал? Через мгновение колебания, Грейсон вдруг начал двигаться, шокируя других участников вокруг него, как он разбрызгивал черную краску по всему пустому холсту, пока все не стало полностью черным. Хотя другой участник качал головой, не зная, что задумал Грейсон, он продолжал концентрироваться. Вскоре он подобрал семь цветов элементов и создал сверкающие точки по всему теперь уже черному холсту. Сначала точки были настолько крошечными, что другие не могли понять, что они означают, но по мере того, как время продолжало тикать все ближе и ближе к отметке в два часа, начинался большой путь. Одна длинная изогнутая полоса поперек холста была сделана из крошечных точек семи цветов элементов Грейсона. Он хотел нарисовать то, что видел, пока медитировал, что было потоком элементов, входящих в его тело.

По мере того, как окружающие люди и судьи продолжали смотреть, чем больше они были поражены. Это была чрезвычайно красивая, но спокойная картина. Простая, но очаровательная. Просто волна цвета в ночном небе, однако, они действительно чувствовали себя поглощенными и в покое, глядя на простоту картины. Какой способ охватить тему! Даже главный экзаменатор кивал головой, казалось бы, под впечатлением. Грейсон закончил немного раньше, так как его картина не была чрезвычайно сложной, единственная причина, по которой это заняло больше времени - это сердце, которое он пытался вложить в свою картину, чтобы передать мир, который он рисует. Он мог видеть кивки одобрения и вздохнул с облегчением. В конце концов, он почувствовал вес с плеч и нашел время, чтобы посмотреть на рисунок Ронана. В ту минуту, когда он положил глаз на картину рядом с ним, он не мог принять их обратно.

Заметив внимание Грейсона к картине своего соседа, все остальные тоже были естественным образом привлечены. Всё больше и больше людей стали смотреть в сторону Ронана, прежде

чем главный экзаменатор, наконец, закричал.

"Стоп, время закончилось!" Своими словами Ронан, наконец, опустил кисть, оставив свой шедевр открытым.

Это было просто. Просто коттедж с крошечным участком сельскохозяйственных угодий за ним. Небольшой спуск, но такой теплый, чтобы на него можно было смотреть. Его картина была настолько реалистичной, что Грейсон мог почти поклясться, что высокие травянистые равнины вокруг дома качались на ветру. Это было захватывающе.

В этот момент Грейсон не мог не стыдиться своей собственной некомпетентности. Он потерял способность рисовать. Однако, это было менее печально и более унижительно, так как Грейсону нравился Ронан и он ценил его талант. Его способность вдохнуть жизнь в свои картины была удивительной, Грейсон все еще застрял в холсте. Другие смотрели на его картины и чувствовали его эмоции. Они все еще видели картину, как просто картину. Картины Ронана давали одному из них ощущение того, что он зашел в сцену, которую они нарисовали.

"Ронан, это удивительно! Я действительно был смирен твоими способностями". Грейсон заметил улыбку.

"О нет, я не настолько хорош. Я должна сейчас думать о том, сколько времени мои родители потратили на то, чтобы учить меня. Ты учишься всего три года и уже можешь рисовать на этом уровне, ты скоро меня догонишь". Ронан выглядел взволнованным комплиментами и скромно отрицал их.

"Я? Скорее всего, я никогда не догоню."

"А? Почему ты так думаешь?"

"Потому что я недостаточно предан. У меня слишком много интересов и других вещей, чтобы учиться и делать, кроме как сконцентрироваться на живописи. Я думаю, что именно поэтому я, вероятно, никогда не смогу догнать вас, кто сосредоточится исключительно на улучшении ваших живописных способностей".

Грейсон лучше всего знал, что он разделит слишком много времени между тремя профессиями, чтобы обогнать Ронана в живописи. Он не говорил, что он не улучшит, он просто не улучшит так быстро, как Ронан предполагал.

<http://tl.rulate.ru/book/21682/895218>